

Они записались добровольцами

Каким нужно быть русскому, чтобы стать волонтером в Бразилии

вне игры

АЛЕКСАНДР ЗИЛЬБЕРТ

Корреспондент «Коммерсантъ-boscosport» АЛЕКСАНДР ЗИЛЬБЕРТ разсыпал в Рио-де-Жанейро русскоязычных волонтеров и выяснил, кто все эти люди.

От этих людей в яркой униформе желтеет в глазах. Кажется, что они везде, на каждом олимпийском шагу — в аэропортах, в метро, возле спортивных объектов и внутри них. А на самом деле так оно и есть. Потому что их тут 50 тыс. Большинство из них, правда, совершенно ничемны, если можно назвать таковым человека с растерянной улыбкой, не знающего ни расположения нужных входов-выходов, ни хотя бы английского. Но есть среди них и совсем другие люди. В том числе наши. Например, профессор из Джорджии Григорий Дмитриев, знающий восемь языков.

— Овладевать многими языками мне, можно сказать, на роду было написано, — рассказывает профессор Дмитриев, работающий волонтером в главном пресс-центре Игр. — Я родился в приморской деревне, под Спасском-Дальним, где было огромное количество ссыльных украинцев. Так что я сразу рос двуязычным ребенком. И хотел стать Хрущевым. Однако Брежнев меня опередил. Я расстроился, но подмигнул: на фото рядом с Брежневым часто появляется тот же человек, что был рядом с Хрущевым. Я смею, в чем дело, и пошел в Иркутский педагогический институт иностранных языков.

К русскому и украинскому прибавился английский, немецкий и, благодаря командировке в Египет, арабский. Но благодаря этой же поездке страна потеряла переводчика.

— Я работал там с геологами, — вспоминает Дмитриев. — И убедился, что при неспособности людей грамотно выразить мысли на своем языке переводчик бесслен. Зато всегда виноват. Мне это не понравилось. И я ушел в науку.

Григорий Дмитриев углубился в изучение систем образования, написал по этой теме немало книг и статей, но своей любви к языкам не изменил. Параллельно выучил французский, испанский, португальский. В 1990 году господин Дмитриев уехал работать в Америку. Да так и не вернулся.

— Но у меня два гражданства! — акцентирует профессор. — При любой возможности я стараюсь наведываться на родину. Дочку вот тоже замуж за русского выдал. Да и сюда приехал не в последнюю очередь, чтобы пообщаться с соотечественниками. А что делать 67-летнему пенсионеру?

Конечно, кроме пения в русском хоре Хьюстона, выступлений в местном кукольном театре, написания статей в местные газеты, регулярной игры в теннис и бега три раза в неделю по три мили, надо было еще отвалить кровные \$1,8 тыс. за дорогу в Рио и \$1,5 тыс. за проживание здесь в комнатике. А взамен получить бесплатную форму, талоны на одноразовое питание и проезд в транспорте.

— Олимпиаду я уважаю с давних пор, — объясняет господин Дмитриев. — Еще в 1980-м в Москве ходил на церемонию закрытия Игр. Кстати, то, как в московское небо улетал плачущий мишка, знают многие бразильцы, которые в 1980-м еще не родились. Это я понял, когда в первый день своего пребывания в Рио прошел по Копакабана с российским флагом. Хотел узнать, как относятся к нашему народу местные ребята. Душевно очень относятся, как оказалось!.. В 1996-м в Атланте я посещаю соревнования по спортивной гимнастике. Запомнилось, что почти в каждой команде тогда звучала русская речь, потому что за границу в поисках лучшей доли уехали около 450 наших тренеров. Тут я тоже уже успел на гимнастику сойти. Правда, с билетами у нас напряженка — организаторы не выделяют. Надеюсь, на Паралимпийских играх, на которые мою кандидатуру тоже одобрили, будет иначе. Но ничего, мы и сейчас выкручиваемся: я помогаю журналистам решать их проблемы, а они билетчики подкидывают. С какими просьбами в основном обращаются? Чаще всего по компьютерной части. Особенно молодые люди. А вот сегодня, скажем, помогали нашим белорусским товарищам оформить инцидент с их камерой хранения. Ее ночью взломали: находившийся там рюкзак не взяли, но вот кошелек из него умыкнули.

А вот москвичку Александру Скрипник, работающую в том же пресс-центре, но этажом ниже, на так называемой стойке гостеприимства, билетами руководство не обделяет. Она уже побывала на гандболе, дзюдо, прыжках в воду и фехтовании.

— Я к спорту, можно сказать, равнодушна, — признается выпускница сразу двух институтов — Университета правительства Москвы и МГУ. — Меня на волонтерство просто однокорюница подбила. Я подумала: «Почему нет?» Ведь это Бразилия, а в ней я мечтала побывать. А тут еще представилась возможность поработать, приобрести опыт. Чтобы попасть сюда, я прошла стандартную для всех волонтеров процедуру: два года назад заполнила заявку в интернете, указав, что хотела бы работать в Рио с прессой и с использованием языков. В итоге все мои запросы были удовлетворены. Утверждение шло очень долго, об окончательном положительном решении мне сообщили только в марте, так что до этого времени я успела выучить еще один язык — иврит. Разумеется, это только стало дополнительным плюсом. Вот только билет из-за затянувшейся процедуры утверждения не удалось сильно заранее по сниженным ценам купить. Пришлось брать за 80 тыс.

Процедура утверждения представляла собой несколько интернет-тестов и собеседований. Уже в декабре прошлого года Александра узнала, что вошла в первые 15 тыс. отобранных. Но только в марте ей окончательно утвердили рабочую позицию. И закинула работа.

— У нас оказалась очень профессиональный руководитель офиса, — отмечает госпожа Скрипник. — Как только команда была сформирована, она тут же стала общаться с нами через интернет вместе и по отдельности. В результате, когда я приехала сюда, было ощущение, что мы все прекрасно знакомы. Несмотря на тяжелый график — восьмичасовые смены шесть дней в неделю, — работа здесь мне доставляет огромную радость. Таковую, что я уже заполнила заявку на следующие Игры — в Пхёнчхане. Тем более что там обещают оплачивать авиабилеты. Правда, у тамошнего оргкомитета есть принципиальное требование — базовый корейский. Ну ничего, выучу, время еще есть. Мой папа-японист просто счастлив. Он недавно, но безуспешно пытается приобщить меня к японскому языку. И вот я сама, скажем так, делаю к этому первый шаг — учить, что еще через два года Игры будут уже в Японии. Я уже начала потихоньку заниматься. Иврит, кстати, помогает: в корейском я нашла похожие иероглифы.

А вот преподавателю Курганского государственного университета Максиму Коновалову помог опыт сочинской Олимпиады.

— Там было очень круто! — вспоминает он. — Столько позитивного общения, такая классная фестивальная атмосфера. К тому же жилье оплачивали. Вот я и решил, что надо летние Игры осваивать.

И теперь Максим помогает осваивать Олимпиаду всем остальным, потому что работает на входе в Олимпийский парк. Его задача — отвечать на вопросы прохожих и самому инициировать разговор, если налицо замешательство человека. Но установка — излишним желанием помочь не докучать. Так что будете у нас в Олимпийском парке — обращайтесь именно к Максиму, у него за плечами до сих пор наш, сочинский рюкзак, — не подведет!

Вообще волонтерам официально запрещено давать интервью. Это первая вещь, о которой ои разговорщичком тоном сообщают, когда ты включаешь диктофон. Ну а потом их, конечно, уже не остановить. Ну а разве можно остановить людей, добровольно решивших быть волонтерами в Бразилии? А главное — не нужно: ведь все они по умолчанию люди как минимум необычные, с которыми порой случаются совершенно головокружительные истории.

Программист Леонид Колмановский из американского Сан-Хосе, работающий в мирное время программистом, а в олимпийское — волонтером в теннисном центре, чем-то едва улыбовым напоминает Анатолия Вассермана. Оказалось — тоже поитгрывает во «Что? Где? Когда?». Именно староданный приятель по этой удивительной игре подобрал ему идею волонтерства в Рио.

— Да как же мне это самому в голову не пришло! — Леонид хлопнул себя по лбу на манер не справившегося с про-

стым вопросом знатока и уже совсем скоро заказывал билеты в Рио-де-Жанейро. С авиакомпанией, правда, немного промахнулся. Та зачем-то отвезла его в Панаму, откуда рейсов в Рио отродясь не бывало. Призав свою вину, перевозчик отправил Леонида на пересадку в Майами.

— И вот попадаю я в самолете на место рядом с двумя русскоговорящими девушками, — медленно, с расстановкой рассказывает господин Колмановский. — А у них тоже сложная авиаситуация была, и они, ну, ругаются на нее немножко, что ли. «Милые дамы! — решил я к ним обратиться. — Во избежание неловких ситуаций хочу до того, как вы начнете обсуждать мою внешность, предупредить, что я знаю русский!» Мы, конечно, над этой ситуацией дружно посмеялись. А потом, когда прощались в аэропорту, от души похотели еще раз. Ведь я увидел у девушек профессиональные сумки для теннисных ракеток и вынужден был предупредить, что прощаться преждевременно: ведь меня распределили именно в теннисный центр!

Теперь Леонид у олимпийских чемпионок Елены Весниной и Екатерины Макаровой — что-то наподобие талисмана. Ходил на все матчи и, можно сказать, обеспечил победу. Впрочем, я сразу понял, что это очень добрый ангел. Еще когда господин Колмановский рассказал мне о причинах своего прибытия на Игры.

— В США мы с семьей эмигрировали из Москвы в 1990-х годах в связи с тяжелой болезнью ребенка, — произносит Леонид. — На родине ему шансов не давали никаких. Мы уехали. Теперь у нас уже пятеро детей, включая старшего, болезнь которого неизлечима, но который имеет здесь возможность чувствовать себя комфортно. Ну а две дочки у меня играют в волейбол. Мне очень неприятно, что спорт в наше время сильно коммерциализировался, в том числе в США. Я понимаю, что надо зарабатывать деньги на содержание спортсменов, но гонка за контрактами начинает отодвигать чистые спортивные принципы на задний план. А чтобы снизить коммерциализацию спорта, надо снизить его расходы на проведение соревнований, развязать ему руки. Волонтерство — прекрасная штука для выполнения этой миссии, вы понимаете?

Понимаю. Но в голове-то не укладывается!

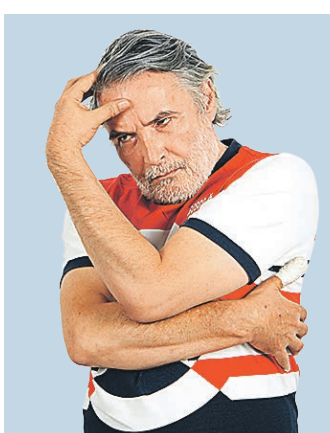
Пока я думал об всех этих талантливых, образованных и, безусловно, особенных людях, стоящих, по сути, на низшей ступеньке олимпийского иерархического лестницы, ко мне в пресс-центре подошел мой новый знакомец — профессор Дмитриев.

— Всю команду наших паралимпийцев от Игр отстранили! — произнес он. — Я официально через вашу газету заявляю, что при таком раскладе я отказываюсь от должности волонтера на Паралимпиаде. Будем бороться за честное имя России. В наших силах изменить этот мир!

Это точно.

Все волонтеры бразильской Олимпиады добродушны и общительны, но профессор Дмитриев (на фото справа) еще умеет говорить на восьми языках

АНДРЕЙ ОРЛОВ (ОРЛУША)

ОЛИМП ОЭЗИЯ

ГЛАВА 9

Облик морале

На завтрак — чай и сладкий

пончик,

Чего поделат бы ищу...

Вилла Мимоза — вот райончик,

Что я сегодня посету!

Его название на карте

Пахнуло запахом весны,

Напомнило Восьмое марта,

Романтику, про ласки сны,

Открытки, вздохи,

поздравленья,

Любовь, шампанское, цветы,

Я помню чудное мгновенье,

Передо мной явилась ты...

Прошу прощенья,

это — Пушкин!

Я (тоже классик, но живой),

Попав вчера на две пирушки.

Свихнулся, что ли, головой?

Мгновенье, впрочем,

чудным было,

И зал восторженно затих,

Когда Россия победила

На саблях желто-голубых.

Дрались Россия с Украиной

На саблях, но не на войне.

Два флага рядом в небе синем

Приятно было видеть мне.

Потом Великая София

Сказала прессе разных стран,

Что любит и всегда любила

Свою соперницу Харлан.

Отвлёкся. Что там было?

Пушкин?

Бармен, сюда! Быстрей налеги!

Какого чаю?! Рома кружку.

Пусть сердцу станет веселей!

Пусть будут лишь от счастья

слёзы,

А войны будут лишь в кино.

Ну всё! Идем в район Мимозы

На праздничной жизни. Решено!

Дошёл... Райончик

не шикарный,

Здесь не богатые живут,

И — девушки стоят попарно,

Подпёрши стенки там и тут.

Гуляя я в куртке сборной нашей

(Конструктивизм от Bosco —

крут),

Рудь украшала надпись

RUSSIA...

Вдруг две красотки мне орут:

— Синьор! Салют! Атлето руссо?

Я честно отвечаю: Йес!

Мой взгляд, что миг назад был

тусклым,

Явил ответный интерес,

В момент свой стыд отбросив

ложный,

Седой подумал головой:

В меня ещё влюбиться можно —

Так значит, я — ещё живой!

Весьма понравилось мне энто,

И тут одна из двух девиц

С улыбкой говорит: «Кваренто,

И добавляет: «Вери плиз!»

Кваренто? Лезу в разговорник...

При чём здесь «сорок»...

Не пойму...

Загадка от девчонок чёрных

Даёт не детский труд уму...

Чему здесь назначают цену?

Я голову чешу в тоске,

И где-то видел эту сцену...

Блин! В «Бриллиантовой руке»,

Провалиться чтоб!

Четыре наших гандболиста!

— Чего мы тут?

Гуляли чисто!

Фамилии называть не будем,

Ведь просто так гуляли люди,

У нас, у русских, чтоб вы знали,

Крепчайший облик морале!

(продолжение в следующем номере)

Размышления на пустом месте

Почему в спорте не нужна ни политика, ни допинг, а вот без легкой атлетики как-то тоскливо

moscow view

НИКОЛАЙ ФОХТ

НИКОЛАЙ ФОХТ обнаружил дыру в живописном полотне олимпийских трансляций. Дыра не захотела затягиваться, и автор стал

бередить рану. Разбередил до того, что пришел к неординарному выводу: допинг — зло. И никакой политики.

Тревожно на душе. Вроде все хорошо: Макарова с Весниной победили; Мустафина каким-то чудом, с помощью судейской доброты, но выиграла золотую на брусьях; Власов восстановился после полуфинального удешения и обыграл датчанина. Медали в яхте, на велотреке, на стрелковом стенде. Все хорошо, как никогда.

Почему же тоска такая? Конечно, в Москве дожди, Москва напоминает, что это у вас там, в Рио-де-Жанейро, даже зимой летняя Олимпиада. А у нас о холодах люди уже в августе задумываются. Все так. Но не поэтому я грущу, перебегаю от экрана к экрану, не поэтому.

На сердце осень, потому что в моих Олимпийских играх внезапно образовалась огромная дыра. Да, об

этой дыре было известно заранее, но масштаб бедствия стал понятен только сейчас.

Из поля зрения выпала олимпийская легкая атлетика. И потеря оказалась невосполнимой. Я буквально заставляю себя включать картинку с соревнованиями: там все же, праздник, бегают, прыгают, толкают. А сконцентрироваться, погрузиться не могу; я не знаю, как сконцентрироваться, если мне не за кого болеть.

Оказалось, что легкая атлетика — доминанта Олимпиады. Это такая огромная, сложная, очень эффективная развязка на олимпийской трассе. Без нее никуда.

Дыра. И, разумеется, Клишина. Отлучение, разрезание, запрет, допуск. Утром бросился к смартфону, чтобы узнать: разрешили? Потому что хотя бы на день вернуться в сектор радости, на огромный стадион; захлеб-

нуться от восторга, от скорости и высоты. Как это говорится: хоть краешком глаза взглянуть...

Меня никто не спрашивает, но я скажу про допинг. Говорят, мол, политика и нож в спину. Друзья, ну какая это политика, никакой политики в этой позорной, может быть, самой позорной для нашего спорта истории нет. Все, от начала до конца — спорт, большой спорт.

Просто найдено было слабое место. Дальше в это место начали бить. Чего тут непонятного, какая политика? Да и с морально-этической точки зрения, в спортивном понимании ничего криминального в этом нет. Вот у боксера рассечена бровь — куда его соперник начинает лупить? Да в рассечение! И секундант подсказывает, и весь зал скандирует. И травмированный боец понимает, что рассеченная бровь — мишень. И не осуждает бьющего. Потому что сам виноват — пропу-

стил удар или неосторожно пошел вперед головой.

Рассечения на пустом месте не бывает, ребята. Рассечение — это ошибка.

Или вот дернул футболист заднюю поверхность бедра, защитник, фланговый — что, не пойдем, скажете, атака через его фланг; кто-то осудит, что воспользовались этой глупой и, как многие считают, случайной травмой? Никто не осудит, все сокрушено кивнут головой и согласятся: разогреться надо было лучше, качать ноги надо было штангой.

Подает всегда на новичка или оступившегося. Измеряют величину изгиба крюка клюшки, жалуются на то, что обручальное кольцо не залеплено пластырем.

Ищут слабое место. Победа любой ценой и в рамках правил — главное, чтобы правила позволяли.

Спортсмены очень жестоки, безжалостны, несмотря на все свое благородство. Так что никакой политики, исключительно наши ошибки и слабое место.

Да, еще по поводу того, что сегодня все спортсмены высокого уровня жрут допинг, мол, без этого никуда. Это не так. Я думаю, даже большая часть атлетов с презрением относятся к курортникам.

Поэтому с допингом надо бороться. И, без оглядки, как там у других; у каких там девочек плечи шире, чем надо, а мышцы больше, чем можно себе представить; выжить надо химии из нашего спорта.

Мы просто станем сильнее. У нас не будет рассечения, не дернем заднюю поверхность; мы не станем легкой мишенью.

И на олимпийские экраны вернется легкая атлетика, штанга, футбол...

Хотя нет, в футболе другое, там все намного хуже.